

Н. А. ТРАПШ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА

Масштабная гносеологическая система А. С. Лаппо-Данилевского получила всеобъемлющее отражение в рамках комплексного содержания его известного труда «Методология истории», выдержавшего три последовательных издания, а также в нескольких лекционных курсах, предназначенных для студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1). По мнению Н. И. Кареева, «...методологический курс, читавшийся студентам, превратился постепенно в большой теоретический ученый трактат... как по способу трактования автором своих проблем, так и по тому ученому аппарату, которым автор снабдил его в виде подстрочных примечаний с массой деталей, с цитатами на разных языках, с обильными ссылками на отдельные книги... научного содержания и с... исчерпывающей полнотою указаний на литературу по затрагиваемым в тексте вопросам» (2). Указанные произведения имеют практически тождественную структуру, отражающую специфику индивидуальных представлений русского ученого о характере и содержании избранного им объекта исследования. В первой части А. С. Лаппо-Данилевский рассматривает основные аспекты так называемой теоретической методологии, в рамках которой осуществляется осознанная интеграция общих принципов исторической гносеологии и конкретных особенностей практического анализа предшествующего эволюционного развития человеческого общества. По его мнению, «нельзя не признать самой тесной связи между теорией познания и методологией науки: лишь с извест-

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и методологии истории Ростовского государственного университета.

ной гносеологической точки зрения можно конструировать целостное учение, которое принципиально установило бы, в чем именно состоит ее задача, и последовательно наметило тот путь, который ведет к ее разрешению» (3). Во второй части «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевский характеризует принципиальные особенности собственной системы теоретического историковедения, включающей важнейшие приемы комплексного научного анализа исследуемого эмпирического материала, объединенные общим понятием «техническая методология». В рукописном варианте существует и третий раздел указанного произведения, посвященный детальному анализу фундаментальных принципов и основных этапов исторического построения. В контексте предлагаемого исследования естественным объектом историографического анализа является первая книга «Методологии истории», а также вводная часть рассматриваемого труда, которая характеризует исходные гносеологические представления А. С. Лаппо-Данилевского, определяющие реальную специфику общей структуры и внутреннего содержания его методологической концепции.

Центральным фрагментом предварительных рассуждений русского ученого является всеобъемлющая характеристика имманентных принципов познавательной деятельности, составляющих объективную основу генезиса и последующего развития исследовательской методологии отдельных научных отраслей. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, «...только при надлежащем понимании... гносеологических предпосылок науки вообще и об отдельных ее разновидностях можно приступить к построению ее методологии, то есть системы тех принципов и связанных с ними методов научного мышления, в силу которых содержание его приводится в систематический порядок, подчиняющий себе и более специальные его дисциплины» (4). Он также полагает, что главной задачей познавательной деятельности является отчетливое определение истинного содержания исследуемых явлений, относящихся к различным областям реального функционирования человеческого общества и окружающей его природной среды. Согласно представлениям А. С. Лаппо-Данилевского, «...при рассмотрении любой теории познания легко убедиться в том, что она ставит своей проблемой истину или соответствующее ей знание и, в сущности, лишь в трансцендентном его единстве находит то основоположение, которое обуславливает понятие о науке...» (5). Русский ученый рассматривает научное знание в качестве систематической характеристики объективного содержания отдельных аспектов комплексного развития мировой цивилизации, которая формируется посредством осознанной интеграции разнообразных результатов индивидуальной исследовательской практики. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, «...в формально-логическом смысле только истинное знание, характеризующее систематическим единством, назы-

вается наукой: оно тождественно с самим собой и согласовано во всем своем составе; оно отличается общезначимостью и обоснованностью своих суждений; оно выясняется в его априорных и апостериорных элементах, в его условиях и границах, в его обобщающих и индивидуализирующих понятиях, образующих различные его отрасли, в его разнообразных предметах и способах их исследования...» (6). Действительно, реальное формирование всеобъемлющего представления об окружающей действительности предполагает комплексное использование различных гносеологических методов, соответствующих специфическому содержанию многообразных объектов научного познания. А. С. Лаппо-Данилевский считает, что в рамках индивидуальной исследовательской практики необходимо активно применять дифференцированные сочетания традиционных форм познавательной деятельности, что определяется естественным своеобразием отдельных отраслей знания. По мнению русского историка, «в соответствии с дополнительными принципами науки обращаются и к более сложным методам, представляющим разнообразные сочетания синтетических и аналитических операций или дедуктивных и индуктивных приемов с более специальными способами исследования... объектов; в таком смысле можно говорить о... методах: экспериментальном и сравнительном... психологическом и историческом... с указанной точки зрения методология наук расчленяется на соответствующие отрасли» (7). Таким образом, А. С. Лаппо-Данилевский рассматривает методологию научного познания в качестве сложной многоуровневой системы, образуемой посредством органичного сочетания исходных гносеологических предпосылок и реальных особенностей конкретной исследовательской практики.

В контексте предложенной схемы российский исследователь характеризует специфическое содержание фундаментальных методологических принципов исторической науки, которые определяются как общие познавательные приемы, используемые в различных отраслях знания, так и особые способы изучения уникальных фрагментов предшествующей истории человеческого общества. По его мнению, «...методология истории должна иметь в виду, кроме общей с ними (другими отраслями познавательной деятельности – **Н. Т.**) цели, и свою специфическую задачу... она устанавливает производные принципы или положения, которые, в комбинации с основными, делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию...» (8). Однако А. С. Лаппо-Данилевский справедливо полагает, что методологическая область исторической науки не ограничивается комплексной интеграцией общих и индивидуальных приемов познавательной деятельности. Согласно его представлениям, методология истории включает также и имманентные

принципы особой интеллектуальной рефлексии, определяющей естественное развитие процессов интерпретации и последующей консолидации соответствующих эмпирических подробностей. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, «она (методология истории – **Н. Т.**) выясняет и те методы исторического мышления, которые относятся к нему и благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала» (9). Следовательно, русский ученый рассматривает методологическую область исторической науки в качестве комплексной системы последовательного анализа эмпирической информации, объединяющей в пределах собственного позитивного содержания различные принципы познавательной деятельности и особые приемы осознанной консолидации объективных результатов индивидуальной исследовательской практики. А. С. Лаппо-Данилевский утверждает, что методология истории «оттеняет и общее значение исторического метода, и главные его особенности, в соотношении их с субъектами исторического исследования... лишь при таких условиях она может объединить принципы систематически-объединенного, общезначимого и обоснованного знания о той действительности, которая имеет “историческое значение”, и выяснить те методы, которые служат для того, чтобы устранить противоречия между показаниями о ней и конструировать из ее элементов одно историческое целое» (10).

Объективным итогом рассмотренных предварительных рассуждений русского ученого стало лаконичное определение двух принципиальных задач его исследовательской деятельности, согласно которым необходимо сконструировать «теорию исторического знания и выяснить методы исторического изучения» (11). Как представляется, естественным объектом последовательного анализа в рамках предлагаемого исследования следует признать первую из указанных проблем, так как современные подходы к характеристике реального содержания обобщающего понятия «методология истории» традиционно связывают ее с теоретическими аспектами соответствующей научной отрасли (12). А. С. Лаппо-Данилевский полагает, что «теория исторического знания занимается установлением его принципов, основных и производных: она выясняет... с какой теоретико-познавательной точки зрения историк изучает данные нашего исторического опыта; какое значение он должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях; каков критерий исторической оценки, на основании которого он производит выбор фактов; каким содержанием... он ограничивает предмет исторического знания» (13). Русский ученый рассматривал теоретическую методологию в качестве своеобразного гносеологического фундамента определенной исследовательской практики, реальное содержание которой определялось объективными результатами источниковедческого изучения

имеющегося эмпирического материала, объединенными в рамках последовательного процесса исторического построения. Однако А. С. Лаппо-Данилевский жестко разделяет общую систему познавательных принципов и технические аспекты конкретного исследования, объединяющие специальные методы анализа определенных источников и особые формы последующей интерпретации их позитивного содержания. Согласно его представлениям, «общее учение методологии истории не может... задаваться целью... изложить технологию исторического исследования» (14). Аналогичным образом А. С. Лаппо-Данилевский характеризует принципиальное различие между философией истории и методологией соответствующей познавательной деятельности, которое определяется качественными особенностями реальных объектов их изучения. По его мнению, «она (методология истории – **Н. Т.**) более определена по своему содержанию и менее широка по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества...» (15). Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что русский историк неизменно отстаивал приоритетный характер применения строгой системы научных методов в рамках сложного процесса реальной исследовательской деятельности, критикуя тех отечественных и зарубежных ученых, которые противопоставляли ей творческие возможности индивидуального разума и неопределенные перспективы интуитивного познания объективной истины. А. С. Лаппо-Данилевский справедливо отмечает, что «...знание методологии дает... возможность ясно определить основную точку зрения, сообщает выдержанность данному направлению мысли, оказывает влияние на... ход исследования и вообще ограждает исследователя от увлечений его темперамента» (16). Таким образом, историк четко обозначает специфические особенности методологии исторической науки, формирование которых определяется естественным своеобразием комплексного объекта ее практического применения.

В рамках целенаправленного построения собственной системы методологических принципов А. С. Лаппо-Данилевский придает первостепенное значение критическому анализу объективных результатов предшествующих исследований в данной области, рассматривая реальные достижения отечественных и зарубежных ученых в качестве исходного элемента логических рассуждений, связанных с построением новой концепции. Согласно его представлениям, «...при рассмотрении теории исторического знания можно принимать во внимание не только принципы, но и процессы его образования: разнообразные течения европейской мысли, обусловившие генезис более или менее стройного понимания истории... не могут... служить для его обоснования, но, изучая его (научного знания – **Н. Т.**) развитие легче понять и те нача-

ла, которые кладутся во главу угла указанного построения» (17). В контексте практической реализации данного принципа русский ученый включил в общую структуру своей «Методологии истории» обширные историографические разделы, посвященные детальному анализу объективных процессов генезиса и развития двух основных направлений в рамках комплексного построения теории исторического знания – номотетического и идиографического. Однако подобная дифференциация основополагающих принципов познавательной деятельности не свидетельствует об изначальной тождественности соответствующих теоретических идей А. С. Лаппо-Данилевского известной историософской и методологической концепции Баденской школы, сформулированной в различных трудах В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Как уже отмечалось, русский ученый творчески интерпретировал основные положения критической философии истории и заимствовал отдельные понятия и термины из многообразного арсенала немецкого неокантианства, дополнив их реальное содержание оригинальными результатами собственных размышлений. Следует также заметить, что А. С. Лаппо-Данилевский допускал естественную возможность масштабной дифференциации научных отраслей не только в соответствии с определенными особенностями их исследовательской методологии, но и на основе качественного разграничения рассматриваемых объектов, обладающих различными признаками и специфическими свойствами (например, науки о природе и науки о культуре) (18). Подобный подход к сложной проблеме последовательного определения имманентных принципов всеобъемлющей классификации отдельных областей знания несомненно соответствует основополагающим идеям так называемой «академической философии жизни», сформулированным в известных произведениях В. Дильтея и Г. Зиммеля (19). Как представляется, А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал принципиальный вопрос масштабной дифференциации различных отраслей научной деятельности в контексте последовательного анализа многообразного комплекса индивидуальных подходов, сформировавшихся в отечественной и зарубежной историографии конца XIX – начала XX столетия. Однако следует признать, что русский историк придает первостепенное значение неокантианской схеме разделения наук, что определялось специфическими особенностями его собственной исследовательской деятельности.

В рамках историографических разделов «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевский отчетливо разграничивает отдельные варианты комплексного построения теории исторического познания, создававшиеся на основе номотетического и идиографического подходов. В частности, он различает идеалистические и материалистические концепции, предполагающие генерализирующую интерпретацию объективного содержания мировой

истории. В контексте последовательного анализа позитивного содержания первого направления А. С. Лаппо-Данилевский особо отмечает известные исследования О. Конта, Д. С. Милля и В. Вундта, в которых были сформулированы основные принципы номотетического подхода к оценке исторического процесса. Однако он справедливо полагает, что концептуальные построения сторонников позитивизма и представителей психологического направления в европейской гносеологии не в полной мере характеризуют естественное своеобразие методологии истории, что определяется реальным преобладанием механических обобщений фактического материала в границах соответствующей исследовательской практики. Рассматривая гносеологическую концепцию Д. С. Милля, А. С. Лаппо-Данилевский подчеркивает, что английский мыслитель «рассуждает об историческом методе преимущественно с эмпирической точки зрения, но не входит в ближайшее рассмотрение... наиболее характерных особенностей собственно исторического изучения» (20). В ходе дальнейших рассуждений русский ученый подвергает серьезной критике и психологическую теорию научного познания, предложенную известным исследователем В. Вундтом. Характеризуя общие принципы реального построения методологии отдельных наук, сформулированные немецким ученым, А. С. Лаппо-Данилевский отвергает механическую дифференциацию гносеологических приемов, основанную на естественном различии изучаемых объектов и явлений окружающей действительности. По его мнению, «...Вундт... обращает внимание не столько на различие тех познавательных точек зрения, с которых они (отдельные научные отрасли – **Н. Т.**) могут рассматривать один и тот же объект, сколько различие изучаемых ими “явлений” или “процессов”, соответственно которым они и пользуются различными принципами и методами исследования» (21). Русский ученый также считает, что ни один из ведущих представителей психологической школы не обосновал в достаточной степени собственные идеи относительно всеобъемлющего характера исторических законов, что определялось фактическим отсутствием осознанного представления о реальном соотношении логических феноменов причины и следствия. Согласно его оценке, «в своих телеологических построениях нередко пользуясь общим понятием о законе, Вундт... слишком мало выясняет, в чем именно состоит тот специальный вид причинно-следственности в истории, который называется исторической связью...» (22). А. С. Лаппо-Данилевский указывает и на то существенное обстоятельство, что в теоретических построениях немецкого ученого отсутствует отчетливое определение непосредственного предмета исследовательской деятельности в рамках рассматриваемой области знания: «Вундт обнаруживает колебания и при определении объекта исторического изучения: ограничивая... объем истории, он полагает, что дикие народы, на

оказавшие влияния на общий ход развития человечества, изучаются антропологом, этнологом и психологом, а не историком...» (23). Однако следует признать, что критические замечания А. С. Лаппо-Данилевского относительно методологических схем исторического познания, предложенных ведущими представителями позитивизма и психологической школы, не означали принципиального отрицания им творческих достижений европейских предшественников и современников, а лишь свидетельствовали о его постоянном стремлении к осознанной интерпретации позитивных результатов их исследовательского опыта.

В контексте последовательного анализа историографических компонентов «Методологии истории» целесообразно охарактеризовать сложную проблему, связанную с индивидуальным отношением автора рассматриваемого теоретического построения к марксистской философии истории и теории научного познания. Как представляется, в процессе эволюционного развития собственной исследовательской деятельности А. С. Лаппо-Данилевский использует различные подходы к оценке гносеологического содержания так называемого исторического материализма, основные положения которого были сформулированы в известных трудах основоположников марксизма. В частности, в первой редакции университетского лекционного курса по методологии истории он выступил с резкой критикой материалистической концепции, которая, по его мнению, неадекватно характеризует реальные проблемы научного познания. Согласно его представлениям, «материализм есть метафизическое построение и притом с познавательной точки зрения малоудовлетворительное. Он совершенно игнорирует затруднения, испытываемые нашим разумом при отождествлении “материи” с “духом”... он просто перескакивает из одной области в другую, не разрешая этих затруднений, ... он прикрывает материалистическими терминами понятия совсем иного рода, устанавливая между ними чисто словесную связь» (24). Однако, в рамках последнего издания «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевский предложил более взвешенную, компромиссную точку зрения на рассматриваемую проблематику, которая не только учитывает реальные достижения К. Маркса и его последовательных сторонников, но и содержит достаточно оригинальную оценку отдельных аспектов их исследовательской деятельности. По мнению русского историка, «...главнейшие представители разбираемого направления (исторического материализма – **Н. Т.**) значительно содействовали развитию номотетического направления истории. Нельзя не заметить... что его основатель – Маркс – применял и индивидуализирующую точку зрения на исторический процесс, его факторы и периоды. Маркс усматривал... некоторую случайность в наличии или отсутствии в данной среде людей, способных влиять на скорость ее движения, ... он признавал некоторое

значение «извне действующих исторических влияний» на исторический процесс» (25). Следует признать, что объективным результатом последовательной эволюции историософских и методологических взглядов А. С. Лаппо-Данилевского стала адекватная оценка внутреннего содержания материалистической концепции марксизма, объединившая в рамках единой характеристики ее несомненные достоинства и противоречия. Однако русский историк отчетливо различал идеологическую детерминированность марксистской теории исторического процесса и методологии его научного познания, а потому рассматривает некоторые отступления ее авторов от традиционной логики интерпретации отдельных фактов в качестве дополнительного средства доказательной аргументации исходных тезисов. Согласно его представлениям, «...Маркс едва ли придавал принципиальное значение идиографическим задачам исторической науки: он скорее пользовался индивидуализирующим знанием лишь как средством для обнаружения временно-го характера тех категорий, которые возникли на почве буржуазного строя и должны смениться новыми принципами, присущими социализму» (26). Таким образом, А. С. Лаппо-Данилевский показал реальное существование принципиальных противоречий в рамках предшествующих и современных ему концепций номотетического построения теории исторического познания, что предопределило его собственное обращение к проблеме теоретического обоснования основных положений генерализирующего подхода, связанного с комплексной характеристикой соответствующей гносеологической проблематики.

Русский историк справедливо полагает, что объективной основой целенаправленного выявления своеобразных закономерностей в процессе эволюционного развития человеческого общества могут служить как полученные в результате дедуктивных рассуждений априорные положения, так и сформировавшиеся в результате индуктивного обобщения эмпирического материала апостериорные заключения. Однако при последовательном создании собственной концепции методологии истории он отдает предпочтение первому из указанных способов научного познания, указывая на реальное соответствие его содержания гносеологическим возможностям индивидуального разума. Согласно представлениям А. С. Лаппо-Данилевского, «логическое значение априорно-номотетического построения отлично от логического значения апостериорно-номотетического. Если вообще можно обосновать номотетическое построение истории, то... только путем выведения из основных предпосылок нашего разума и согласованности с ним последующих выводов, а не... из отдельных фактов» (27). Он отмечает также и тот момент, что генерализирующая интерпретация позитивного содержания исторического процесса предполагает объективное существование причинно-следственной

связи между исходными положениями и окончательными результатами научного исследования, дополненной комплексным действием известных принципов консенсуса и эволюции. По его мнению, «всякое научное обобщение стремится установить логически-необходимую и всеобщую связь между причиной и следствием, под которую можно было бы подводить реально данную последовательность и формулировать закон такого соотношения» (28). А. С. Лаппо-Данилевский считает, что априорно-номотетическое построение истории должно осуществляться посредством комплексной интеллектуально-психологической рефлексии, обеспечивающей адекватное восприятие общего содержания исследуемых событий и отчетливое определение объективных закономерностей их качественного развития. В частности, в рамках первого университетского лекционного курса по методологии истории он формулирует принципиальную идею о том, что «историк может возвести наблюденное им сходство на степень научно-исторической истины или закона истории в причинно-следственном смысле лишь с психологической, а не с механической точки зрения» (29). В последующих изданиях указанного произведения эта мысль конкретизирована: «номотетическое построение исторического знания не может довольствоваться понятиями механики, энергетики или экономического материализма: оно устанавливается... с психологической точки зрения» (30). В процессе последовательного обоснования данного утверждения А. С. Лаппо-Данилевский характеризует естественные различия указанных подходов, среди которых он выделил следующие моменты: принципиальное различие между жесткой схемой теоретического анализа проблемы и непосредственным переживанием имманентного содержания рассматриваемых явлений; реальное противоречие между простой констатацией эквивалентности причины и следствия и целенаправленным установлением их качественной зависимости; объективное различие внешнего и внутреннего детерминизма. Особый интерес представляют оригинальные рассуждения ученого о тождественности психологической структуры отдельных индивидов, которую он рассматривает в качестве исходного принципа последовательной реконструкции логической связи между исследуемыми историческими фактами и событиями. А. С. Лаппо-Данилевский пишет, что «...опираясь на понятие о единообразии психофизической природы человека, можно рассуждать об осуществлении законов, то есть повторяемости установленных с психологической точки зрения причинно-следственных отношений в исторической действительности» (31). Как представляется, русский историк рассматривал постоянные мотивы индивидуальной деятельности в качестве основного фактора целенаправленного формирования специфического содержания исторического процесса, перманентное разви-

тие которого детерминируется, главным образом, внутренними особенностями эволюционной трансформации человеческого общества.

Однако А. С. Лаппо-Данилевский отчетливо выделяет также и то существенное обстоятельство, что последовательное построение номотетической теории познания не может быть основано на механической переориентации психологических закономерностей в сложную область исследовательской практики историка. Согласно его представлениям, «...“непосредственное” перенесение их (психологических законов – **Н. Т.**) в область истории не могло бы дать исторических законов, ибо, подобно тому, как разложение комбинации причин на отдельные причины уничтожает саму комбинацию или фактор в его целостности, так и выискивание психологических законов возможно лишь при разложении исторического процесса на его элементы, а отвлечение последних от действительности упраздняет наличие самого процесса, который представляется нам индивидуально данным» (32). Более того, А. С. Лаппо-Данилевский указывает на реальное наличие своеобразных препятствий на пути практического конструирования имманентных закономерностей исторического развития человеческого общества, формирование которых определяется сложным характером объективных процессов социальной эволюции и естественным разнообразием детерминирующих обстоятельств. По его мнению, «с... априорной точки зрения принципиально отрицать какую-либо возможность выработки исторических законов нельзя; можно указать только на сложность комбинации факторов, лишаящую нас возможности подводить под законы такие комбинации, а, значит, и связь их с порождаемыми ими продуктами...» (33). Однако отчетливое указание на особую сложность практического определения указанных закономерностей не тождественно принципиальному отказу от реальных перспектив дальнейшего анализа соответствующей проблематики. Согласно представлениям русского историка, «...следует различать отрицание фактической возможности осуществить эту задачу (определение объективных законов истории – **Н. Т.**) при теперешних условиях от принципиального отрицания установления законов исторического процесса...» (34). Таким образом, очевидно, что А. С. Лаппо-Данилевский однозначно не отвергает реальную возможность последовательной реконструкции имманентных закономерностей предшествующего эволюционного развития человеческого общества, а лишь указывает на естественную сложность разрешения подобной задачи, которая определяется объективным существованием специфических особенностей рассматриваемой области научного познания.

В этом контексте историк предложил собственный вариант позитивного анализа указанной проблемы, связанный со специальным обоснованием приоритетной роли особых типологических обобщений. В качестве основного

критерия соответствующей интеграции эмпирического материала А. С. Лаппо-Данилевский рассматривает наличие у определенной группы исследуемых объектов общих особенностей, сформировавшихся под непосредственным влиянием конкретных условий их исторического развития. По его мнению, «можно различать два основных вида типологических построений, из которых каждое распадается на подвиды: мы можем изучать или данную совокупность предметов в их устойчивых признаках, или некоторую последовательность, относительно которой нельзя еще формировать даже эмпирического обобщения» (35). В рамках первого варианта концептуальной интеграции эмпирического материала А. С. Лаппо-Данилевский выделяет психические и культурные типы, характеризующие различные аспекты эволюционного развития человеческого общества. Согласно его представлениям, «...историк может стремиться построить психический тип данного племени или народа и его свойствами объяснить соответствующие массовые движения... с такой точки зрения общие черты, характеризующие данный национальный тип, признаются общими и постоянными признаками, обуславливающими данную культуру, поскольку она представлена народами данного племени» (36). По-видимому, указанный вид типологического обобщения предназначается для последовательной интеграции специфических фактов, событий и явлений, связанных с реальным историческим функционированием определенной группы индивидуальных субъектов в ограниченный период времени. Понятие же «культурный тип» охватывает общие тенденции в рамках целенаправленного развития духовной сферы жизнедеятельности человеческих коллективов, объединяя конкретных индивидов, отличающихся единством психологической структуры сознания и мышления. В силу данного обстоятельства рассматриваемая типологическая система не имеет отчетливо выраженных территориальных границ и хронологических пределов собственной эволюции, что придает подобной обобщающей интерпретации универсальный характер. Следует заметить, что в процессе комплексного обоснования принципиального содержания указанной классификации А. С. Лаппо-Данилевский формулирует определенные критические замечания по отношению к известной концепции Н. Я. Данилевского, характеризующей различные варианты комплексного развития локальных культур в рамках единой мировой цивилизации. По его мнению, «...один и тот же народ в различные периоды своего развития может принадлежать к разным культурным типам; еще правильнее сказать, что разные слои общества одного и того же народа могут принадлежать к разным культурным типам» (37). Как представляется, обозначенные ученым субъективные принципы типологического обобщения эмпирического материала предназначались для технической систематизации конкретных исторических фактов, занимая в рамках единой

методологии научного познания промежуточное положение между индивидуальными явлениями и всеобщими закономерностями. Более того, А. С. Лаппо-Данилевский рассматривает рассмотренные психические и культурные типы в качестве интеллектуальной абстракции, которая не может адекватно отразить реальное многообразие внутреннего и внешнего содержания окружающей действительности (38). Таким образом, историк отчетливо демонстрирует, что естественные результаты последовательного применения номотетического подхода к сложному процессу комплексного изучения предшествующей истории человечества имеют в значительной степени относительный характер, и это определяется объективным своеобразием данной области исследовательской деятельности.

В контексте указанного положения А. С. Лаппо-Данилевский обращается к всеобъемлющей характеристике основных принципов целенаправленного использования идиографического метода в области исторического исследования, рассматривая его в качестве наиболее адекватного способа специального анализа общего содержания и специфических особенностей длительного эволюционного развития человеческого общества. В историографических разделах рассматриваемого фундаментального труда ученый детально проанализировал ключевые фрагменты сложного процесса генезиса и последующего функционирования индивидуализирующего направления в европейской философии истории и методологии научного познания, выделив два главных периода в развитии соответствующей концепции: эмпирический и рационально-критический. Окончательное оформление основных теоретических аспектов указанного подхода А. С. Лаппо-Данилевский связывает с творческой деятельностью И. Канта, объединившего в рамках единой концепции оригинальные гносеологические приемы и приоритетные аксиологические идеи. По мнению русского ученого, «...с Канта можно начинать новый период в развитии идиографического построения истории; главные методологические принципы критического идеализма легли в основу и последующих теорий об идиографическом характере исторического знания... поскольку Кант связывал историю с телеологией и нравственным моментом...» (39). Практическое применение основных положений идеалистической гносеологии немецкого мыслителя в области методологии истории А. С. Лаппо-Данилевский связывает с исследовательской деятельностью ведущих представителей Баденской школы неокантианства, предложивших оригинальную систему последовательной дифференциации познавательных приемов в рамках конкретных научных отраслей (40). Как уже отмечалось, творческая интерпретация историософских и методологических идей В. Виндельбанда и Г. Риккерта стала естественным фундаментом масштабной концепции исторического познания, предложенной русским историком, что определяет объективное

наличие тождественных элементов в границах рассматриваемых теоретических построений.

А. С. Лаппо-Данилевский четко разделяет гносеологические принципы, характерные для индивидуализирующего и генерализирующего подходов к общей проблематике научного исследования. Согласно его представлениям, «идиографическая точка зрения тем и отличается от номотетической, что... ученый интересуется единичными составными частями действительности не как познавательными средствами, но признает каждую такую часть саму по себе заслуживающую внимания в качестве объекта познания» (41). Русский ученый также утверждает, что индивидуализирующий подход предполагает последовательное определение особых гносеологических целей, связанных с осознанным выявлением естественного своеобразия исследуемых феноменов, но не рассматривает сложную проблему качественной дифференциации специфических предметов научного анализа (42). По его мнению, «...история в идиографическом смысле придает значение не тому, что в данном объекте оказывается у него общим с другими, а самому объекту, поскольку он представляет особенности ему одному свойственные, и поскольку с телеологической точки зрения... ее должно признать единственной в своем роде» (43). В контексте данного обстоятельства А. С. Лаппо-Данилевский формулирует масштабное определение телеологического содержания комплексного исследования предшествующего эволюционного развития человеческого общества, связанного с объективной необходимостью всеобъемлющей характеристики принципиальных особенностей изучаемого процесса: «...основная задача исторической науки в идиографическом смысле состоит в том, чтобы дать научное знание конкретно данной нам действительности... о данных в ней различных точках пространства и различных моментах времени... индивидуальностях в их реальном отношении к целостной действительности» (44). Однако последовательное изучение уникальных фрагментов мировой истории объективно связано с реальной проблемой качественного анализа комплекса многообразных факторов, определяющих объективные причины генезиса указанных явлений и имманентные особенности их внутреннего содержания. А. С. Лаппо-Данилевский справедливо полагал, что отдельные события могут быть детерминированы как естественным воздействием сложной системы причинно-следственных отношений, так и непосредственным влиянием случайных обстоятельств (45). Русский ученый отчетливо различает метафизические и гносеологические аспекты исторической случайности, что определяет общую интерпретацию реального содержания указанного понятия. По его мнению, в первом случае истинная причина события не подлежит комплексной реконструкции, а при втором подходе к данной проблеме она не может получить логического обоснования в рамках предложенной познава-

тельной парадигмы (46). Следует заметить, что А. С. Лаппо-Данилевский не исключал принципиальной возможности специального использования рассмотренного гносеологического феномена в рамках реальной исследовательской практики, предполагающей мотивированную интерпретацию конкретных аспектов качественного изменения в общей структуре и функциях изучаемого объекта. Согласно его представлениям, «идиографическая теория знания принимает во внимание понятие об относительной “случайности” в познавательном смысле слова при объяснении исторических фактов...» (47). Однако реальную характеристику уникального содержания большинства рассматриваемых явлений историк предлагал проводить на основе последовательного определения всеобъемлющей структуры объективных связей между феноменами причины и следствия, детерминирующей соответствующее развитие исследуемых объектов. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, «в основе научного объяснения действительности лежит понятия о скрещивании замкнутых рядов причинно-следственных отношений, представлявшемся нашему разуму относительно случайным» (48). Как представляется, русский ученый отчетливо осознавал объективную необходимость последовательного рассмотрения комплекса факторов, определяющих реальные процессы генезиса и трансформации исторических фактов событий и явлений, но отрицал принципиальную возможность искусственного прогнозирования перспективных результатов общественного развития. Согласно его оценке, «...историк должен исходить из конкретно данной действительности, поскольку она дана ему в его чувственном восприятии и переживается им... историк не предсказывает факт, а исходит из совершившегося уже факта; но он пытается... углубить анализ фактов в причинно-следственном смысле...» (49). Таким образом, А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал детальное исследование детерминирующих факторов генезиса и развития отдельного исторического феномена в качестве основополагающего гносеологического приема, предназначенного для последовательного выявления уникального характера изучаемых событий и процессов.

Русский историк признавал также и то существенное обстоятельство, что объективная интерпретация фактов и событий предшествующей истории не может быть осуществлена без специального рассмотрения психологических аспектов ее эволюционного развития, неразрывно связанных с целенаправленной деятельностью конкретных индивидов. Действительно, естественное содержание исторического процесса определяется специфическими особенностями взаимодействия отдельных личностей с окружающей их природной и социальной средой, причем комплексная реконструкция подобной системы отношений должна основываться на всеобъемлющем анализе имманентных закономерностей развития индивидуального и массо-

вого сознания. В контексте данного обстоятельства А. С. Лаппо-Данилевский дополнил собственную методологическую концепцию принципиальной идеей о необходимости закономерного признания «чужой одушевленности», которую он рассматривает в качестве сложного комплекса психологических стереотипов, определяющих характерные черты мышления и деятельности исследуемых индивидов (50). Указанное представление в научной ретроспективе восходит к теоретическим построениям немецкого мыслителя В. Дильтея, сформулированным в рамках его известного труда «Описательная психология», и логическим схемам известного представителя российского академического неокантианства А. И. Введенского (51). А. С. Лаппо-Данилевский справедливо считает, что естественные особенности психологической структуры отдельных личностей нашли своеобразное отражение в исторических источниках, а потому могут быть реконструированы посредством детального анализа их реального содержания и последующей ассоциативной рефлексии исследуемого субъекта (52). Более того, он указывает на объективную необходимость последовательного формирования тождественности интеллектуальных стереотипов конкретного исследователя и соответствующих принципов специфического мышления рассматриваемой им личности или человеческого коллектива, принявших непосредственное участие в предшествующем эволюционном развитии мировой истории (53). Очевидно, что А. С. Лаппо-Данилевский описывает один из сложнейших аспектов исторической гносеологии, связанный с принципиальной проблемой адекватной интерпретации психологических стереотипов исследуемого социума.

В рамках идиографической модели построения методологии истории ученый выделяет также особое понятие об индивидуальности, которую он понимает как первоначальный вариант синтеза рассмотренного эмпирического материала. По его мнению, «...синтетическое построение действительности, прежде всего, сводится к установлению реализации встречи данных элементов в данной индивидуальности...» (54). Русский историк указывает, что объективная интеграция эмпирического материала в рамках целенаправленной реконструкции единого исторического процесса предполагает не только последовательное обобщение отдельных фактов, но и осознанное выявление реального соотношения между теоретической конструкцией и образующими ее элементами. Согласно его представлениям, «если под наукой разуметь «объединенное знание» и понимать такое объединение в формальном смысле, то нельзя смешивать ее с одним только обобщением данных нашего чувственного восприятия: объединение нашего знания можно достигать не только путем обобщения... но и путем выяснения соотношения между данным целым и его частями...» (55). Развивая эту общую идею применительно к исследуемым методологическим вопросам, русский ученый высказывает

принципиальную мысль о том, что «...она (история – **Н. Т.**) признает, что каждый исторический объект входит в одно целое, общее ему с другими такими же объектами и тем самым определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого» (56). Действительно, А. С. Лаппо-Данилевский видел в рассматриваемом обобщающем понятии достаточную универсальность, предполагающую реальную перспективу выборочной интеграции отдельных фактов, событий и явлений. Русский ученый справедливо считал, что индивидуализирующий подход к исследовательской практике предполагает целенаправленное изучение различных объектов, выделенных из общего контекста исторического развития в силу имманентной общности определенного комплекса специфических признаков (57). По его мнению, «...историк пользуется и номологическими, и типологическими обобщениями для объяснения действительности; но самое построение их не входит в задачу изучения действительности с идиографической точки зрения: принимая ее, историк ограничивается объяснением причинно-следственной связи между данными конкретными фактами» (58). Однако установление реального соотношения детерминирующих факторов исторического процесса привело А. С. Лаппо-Данилевского к объективной необходимости создания обобщающих конструкций, призванных отразить сложную схему комплексной интеграции индивидуальностей в рамках рассматриваемой действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1913. – Вып. 2; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 3-е изд. – Пг., 1923. – Вып. 1; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Лекции, читанные студентам Санкт-Петербургского университета в 1908–1909 академическом году. – СПб., 1909; Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории, читаным студентам Санкт-Петербургского университета в 1906–1907 учебном году. – Литография Богданова. – СПб., 1907.
2. Кареев Н. И. Историко-теоретические труды А. С. Лаппо-Данилевского // Рус. ист. журн. – 1920. – № 6. – С. 120.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 3-е изд. – С. 3.
4. Там же. – С. 3.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. – С. 5.
8. Там же. – С. 6.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Могильницкий Б. Г. О содержании понятия «методология истории» // Методол. и историогр. вопр. ист. науки. – Томск, 1976. – Вып. 11; Седнев В. А. Критический анализ методологических основ историко-философской концепции «академического»

- неокантианства в России конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Киев, 1975; Нечухрин А. Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории. (На материалах отечественной историографии) // Методолог. и историограф. вопр. ист. науки. – Томск, 1994. – Вып. 21.
13. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 3-е изд. – С. 6–7.
 14. Там же. – С. 8.
 15. Там же. – С. 16.
 16. Там же. – С. 11.
 17. Там же. – С. 27.
 18. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1. – С. 42.
 19. Дильтей В. Сущность философии. Философия в систематическом изложении. – СПб., 1909; Зиммель Г. Проблемы философии истории. Этюды по теории познания. – СПб., 1913.
 20. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 3-е изд. – С. 157.
 21. Там же. – С. 167.
 22. Там же. – С. 165.
 23. Там же. – С. 165–166.
 24. Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории... – С. 98–99.
 25. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 3-е изд. – С. 247.
 26. Там же. – С. 247–248.
 27. Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории... – С. 95.
 28. Там же. – С. 98.
 29. Там же. – С. 103.
 30. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1. – С. 118.
 31. Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории... – С. 110.
 32. Там же. – С. 151.
 33. Там же. – С. 114.
 34. Там же.
 35. Там же. – С. 132.
 36. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1. – С. 141.
 37. Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории... – С. 122.
 38. Там же. – С. 133.
 39. Там же. – С. 176–177.
 40. Там же. – С. 198.
 41. Там же. – С. 206.
 42. Там же.
 43. Там же. – С. 256.
 44. Там же. – С. 208.
 45. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1. – С. 152.
 46. Там же. – С. 154.
 47. Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории... – С. 218.
 48. Там же. – С. 219.

-
49. Там же. – С. 226.
 50. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1. – С. 308.
 51. Дильтей В. Описательная психология. – СПб., 1996; Биневский А. А. Критика субъективно-идеалистических оснований философии русского неокантианства. Объективное и субъективное в общественном развитии. – Владивосток, 1979; Кречетова Н. С. Учение о «понимании» В. Дильтея // Методолог. и историограф. вопр. ист. науки. – Томск, 1980. – Вып. 14.
 52. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – 1-е изд. – СПб., 1910. – Вып. 1. – С. 310.
 53. Там же. – С. 315.
 54. Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории... – С. 249.
 55. Там же. – С. 210.
 56. Там же. – С. 211.
 57. Там же. – С. 255.
 58. Там же. – С. 242.